

УДК 327.292.4/5

А.А. Ирхин, профессор, д-р полит. наук

*Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского
пр. Вернадского, 4, Симферополь, АР Крым, Украина, 95000*

СИРИЙСКИЙ КОНФЛИКТ В РЕГИОНАЛЬНОЙ И МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

Проводится анализ внутренних и внешних причин сирийского конфликта, а также его роль в формирующейся системе международных отношений.

Ключевые слова: Сирия, США, Россия, Китай, Иран, конфликт.

Процессы формирования новой системы международных отношений проходят в условиях доминирования ведущих держав западной цивилизации, которые на протяжении последних нескольких столетий, посредством имплементации механизмов «мягкой» и «жесткой силы», успешно реализуют технологии периферизации своих конкурентов, включая последних в свой мировой порядок, создаваемый ими исключительно под своё цивилизационное мировосприятие.

Четыре системные переменные: мировой экономический кризис, рост новых центров силы, убывающая мощь США и усиление роли транснациональных компаний взаимно влияют друг на друга, определяя модель будущего мирового порядка. Несмотря на технологические достижения в области НТР и перенесение акцента в процессе конкуренции государств в область «мягкой силы» и финансовых технологий, борьба за геополитическое пространство остается основной сферой соперничества великих держав, а в современном мире две противоположные тенденции – глобализация и регионализация (логика сфер влияния) жестко конкурируют между собой, формируя значительный потенциал конфликта.

Гражданская война в Сирии показала, что мир в отдельных регионах или даже странах остается отражением биполярной системы периода «холодной войны». При этом баланс мировых сил изменился не в пользу Запада, который с конца 1970-х сумел создать американо-китайский альянс против СССР. После данного виртуозного стратегического хода Вашингтона петля военно-политического, экономического, технологического удушения советского пространства замкнулась. В настоящее время, Китай играет самостоятельную игру, а внешнеполитические линии обороны Пекина и Москвы во многом совпадают. В то же время Запад, опьяненный победой в «холодной войне» стал более разобщенным. Политическое руководство США на протяжении последних 15 лет проводило односторонние силовые акции, перестраивая мир под новую американскую модель глобального доминирования. Эти действия способствовали расколу Запада как минимум на два ядра – Западную Европу и США.

Проблемы развития факторов, оказывающих влияние на формирование новой системы международных отношений, освещают в своих работах следующие украинские и российские исследователи: В. Алчинов, В. Байнев, В. Барановский, Б. Батура, И. Бусыгина, О. Буторина, С. Глазьев, А. Гончаренко, В. Горбулин, С. Гридин, Р. Гринберг, А. Грицаенко, М. Гулиев, М. Гузенко, О. Гурова, М. Делягин, В. Дергачев, Г. Джемаль, А. Дугин, Е. Елисеев, А. Ермолаев, Е. Ефимова, М. Згуровский, И. Зевелев, О. Золотокрылин, Л. Ивашов, А. Ирхин, И. Измоденов, Б. Кагарлицкий, Е. Каминский, Б. Канцелярук, С. Караганов, А. Канах, С. Кара-Мурза, С. Маркедонов, А. Мартынкин, С. Михеев, Н. Нарочницкая, А. Никифоров, А. Панарин, И. Пантин, А. Паршев, С. Переслегин, И. Побединский, Е. Сулима, А. Ставицкий, С. Толстов, А. Уткин, С. Федуняк, М. Хазин, А. Чемшит, Н. Черкасов, В. Шевченко, М. Шепелев, Ю. Шишков, М. Шумилов, А. Шутов, С. Юрченко [1].

Из современных американских и европейских историков и политологов, специализирующихся на исследовании данной темы, можно выделить следующих авторов: З. Бжезинский, Ф. Бродель, Б. Бюзан, И. Валлерстайн, Т. Грэм, М. Дойл, Д. Дрезнер, К. Кайзер, Р. Каплан, Ч. Капхен, П. Кеннеди, Р. Кеохейн, Г. Киссинджер, М. Коннелли, А. Коэн, Д. Крамер, С. Лерабби, Л. Линдерберг, Г. Люндстад, Дж. Най, Д. Макгваер, Ч. Мейер, Дж. Миршаймер, А. Рар, М. Смит, Э. Тоффлер, Дж. Фридман, Ф. Фукуяма, С. Хантингтон [2] и др.

Целью данной статьи является исследование причин и движущих сил сирийского конфликта. Задача статьи состоит в моделировании динамики данного конфликта и его роли в мировой политике в условиях глобального экономического кризиса.

Традиционным полем конкуренции различных великих держав является Ближний и Средний Восток. Причины банальны – современная человеческая цивилизация – это цивилизация нефти. Но в этом регионе она еще и качественная и дешевая (низкое содержание серы и низкая себестоимость ее добычи, даже по сравнению с Латинской Америкой, не говоря уже о России). При этом, рынок США зависит от поставок из этого региона на 5-7%, тогда как европейская зависимость значительно выше. Однако, и до открытия нефти, как важнейшего вида сырья современной экономики, данный регион сохранял свое значение в мировой политике. Эпоха крестовых походов и столкновение Запада и Востока

в период средневековья, строительство важнейшей водной коммуникации – Суэцкого канала, от стабильности функционирования которой зависело существование Британской империи, занимающей четверть мировой суши.

В современном мире Ближний и Средний Восток, как источник углеводородных ресурсов и Восточное Средиземноморье как путь их транспортировки, имеют стратегическое значение для наиболее развитых экономик мира. Этот факт ставит в зависимость экономические системы западных государств и Китая от стабильности в указанных регионах. В то же время, районы насыщены различными видами вооружения, в них присутствуют опасные международные очаги напряжённости: турецко-сирийские, ирано-иракские, греко-турецкие противоречия, войны в Ираке, Афганистане, палестино-израильский конфликт. Несмотря на то, что в регионах отсутствует стабильность, последним и решающим арбитром в них, является американская военная мощь.

США распространили свое влияние этот регион после Второй мировой войны. До середины 1940-х гг. Ближний и Средний Восток был зоной исключительного влияния Британии. Для управления регионом Вашингтон начал использовать те же технологии, что и Лондон, выстраивая на основе парадигмы «balance of power» систему балансов из конкурирующих государств, игра на которых дает максимальные дивиденды их субъекту.

В традиции западной цивилизации для продвижения своих национальных интересов используются два вида баланса сил – французский (raison de tat – национальный интерес) и английский «balance of power». Французский предполагает непосредственное участие субъекта в одном из разыгрываемых балансов, тогда как английский баланс сил предполагает дистанционное разыгрывание субъектом различных комбинаций без непосредственного участия и только, когда ситуация становится критической, то субъект всей своей мощью вступает в игру на стороне, которая позволяет ему разрешить свои национальные интересы в полной мере [3].

Для США в регионе Ближнего и Среднего Востока существуют три противоборствующие пары: арабы и израильтяне, индийцы и пакистанцы, иракцы и иранцы и до 2003 года США на Ближнем и Среднем Востоке руководствовались английским принципом «баланса сил». После указанного рубежа, США начали проводить прямые интервенции в Ираке и Афганистане, перейдя к французской методологии, и тем самым уничтожили или существенно подорвали выстроенные ранее балансы: Ирак – Иран, Пакистан (Афганистан и Пакистан воспринимается Вашингтоном, как единый регион АфПак) – Индия.

По мнению Генри Киссинджера, весь американский механизм влияния в регионе сводится к следующим трем интересам: поддержание регионального баланса сил, обеспечение бесперебойных поставок нефти и разгром исламистских групп, которые угрожают Америке. Всякий ход Соединенных Штатов, преследующий любую из указанных целей, должен предприниматься при учете двух других, что существенно усложняет достижение каждой из них.

Из нерегionalных субъектов, влияющих на ситуацию на Ближнем и Среднем Востоке, особенно необходимо выделить интересы и геополитические возможности Китая и России. Если остаточное влияние последней получило второе дыхание в связи с сирийским кризисом, то экспансия Пекина носила экономический характер и к 2011 г., к моменту «Арабской весны», приобрела угрожающие масштабы для Запада. Китай нуждается в углеводородных ресурсах для своей «мировой мастерской», а военные кампании США, даже без видимой победы – это ограничения для Пекина получать эти ресурсы.

Внутрирегиональный расклад сил выглядит таким образом – на Ближнем и Среднем Востоке существует два претендента на роль региональных держав (ВВП, технологический потенциал, ВПК, наличие различных природных ресурсов, мобилизационные возможности, способность предложить цивилизационные модели развития) – Иран и Турция. Оба непримиримые в прошлом империи, представляющие два различных проекта внутри Ислама – шиитский и суннитский. До 1979 г. оба государства входили в американскую систему интересов, составляя прочный треугольник Тель-Авив – Тегеран – Анкара, однако Исламская революция в Иране существенно трансформировало американские подходы и возможности. Безусловной региональной державой является Израиль, развивающейся во враждебном окружении. Саудовская Аравия, Египет, Катар, Сирия и др., представляют более слабые государства, обладающие ограниченными возможностями по влиянию на регион.

В Турецкой Республике, с приходом к власти в 2002 году умеренных исламских политических сил в лице Партии справедливости и развития (АКР), трансформируются внешнеполитические подходы в сторону реанимации османских технологий. Р.Т. Эрдоган ставит своей целью, чтобы Турция в среднесрочной перспективе достигла статуса лидера исламского суннитского мира. Современная внешнеполитическая стратегия государства реализуется в рамках концепции «Стратегической глубины», выдвинутой министром иностранных дел Ахметом Давутоглу [4]. Её суть сводится к вынесению центров экономического и военно-политического развития Турецкой Республики вглубь турецкой территории и окружение себя кольцом дружественных стран, ранее входивших в Османскую империю. На основе общих или схожих взглядов лидеров правящей в Турции партии Справедливости и развития стали

устанавливать связи и тесное сотрудничество с умеренной исламской арабской силой ассоциацией «Братья мусульмане».

С 2011 года данный регион захлестнула «арабская весна», в результате которой к власти стали приходить умеренные арабские исламские политические силы (ассоциация «Братьев мусульман»), которые потеснили авторитарные консервативные режимы. Для Запада как цивилизации умеренный исламский проект, носителями которого являются правящая турецкая партия Справедливости и развития и общеарабская ассоциация «Братья мусульмане» представляет системную угрозу, сопоставимую с большевистским проектом сто лет назад. Проект имеет детально разработанную модель государственного, экономического, финансового и юридического сторон развития общества, радикально отличную от западных принципов.

Разделение Ислама на шиитскую и суннитскую части в регионе часто лежит в основе противостояния различных государств и сил. В Сирии данное разделение также присутствует алавитское меньшинство (15 % шиитского населения) является элитой в суннитском государстве. Естественным геополитическим и культурным (в рамках противостояния шиитов и суннитов) союзником Сирии является Иран.

В конфликте в Сирии столкнулись нерегиональные акторы: разделенный Запад (США, ЕС), Россия и Китай, региональные – Турция, Саудовская Аравия, Катар, Иран, Израиль. Практически выбыл из игры Египет. Внутривосточные военно-политические силы – салафиты (корень – салаф, то есть исламские фундаменталисты), боевое крыло «Братьев мусульман» (умеренные исламисты) и курды.

Еще до начала существующего конфликта, взаимоотношения Сирии и Турции были осложнены территориальной проблемой, а также проблемой распределения водных ресурсов рек Тигра и Евфрата. Первая проблема была инициирована европейскими странами передачей в июле 1939 года Францией Турции Александреттского санджака, считавшейся сирийской территорией, в настоящем одного из крупнейших нефтяных портов Средиземноморья (порт Искендерун). Вторая – вызвана экономической программой Турецкой Республики, связанной со строительством комплекса плотин («проект Ататюрка») на двух основных реках региона. Таким образом, Турция в состоянии регулировать естественный ток воды в направлении Сирии и Ирака. Такой инструмент воздействия на соседние государства оказывается весьма эффективным фактором политического и экономического давления.

В современном конфликте внешнеполитическая линия Анкары в отношении Дамаска изначально была подчинена логике всесторонней поддержки сил ассоциации «Братья мусульмане», главной оппозиционной силы режиму Башару Аль Асада, без непосредственного вступления в войну, по крайней мере, в ее острой фазе. Вступление Турции в войну против Сирии немедленно давало бы узел негативных производных. Так, прямое вторжение турецких войск приведет дезинтеграции Ливана, который сразу распадается по линии межконфессионального разлома между шиитами и суннитами. Шиитская партия «Хезболла», которая, располагает значительным боевым потенциалом (война с регулярными частями Израиля в 2006 году была фактически выиграна) автоматически становится врагом турецкой армии. Учитывая глобальный масштаб деятельности организации, динамику развития и методы работы, то необходимо констатировать, что данная организация является лидером среди политических и военных движений исламского мира.

Кроме того, учитывая, что на территории Сирии проживает значительная часть курдов, то на новом качественном уровне начинает развиваться «курдский вопрос», и с учетом наличия «проблемы» иракского Курдистана, как модели развития (широкая автономия), Анкара получает узел противоречий, затрагивающих стабильность республики уже внутри Турции. Если учитывать, что в Сирии находится значительное число замороженных баз отдыха и подготовки членов курдской рабочей партии (КРП), то Сирия имеет значительный запас давления на своего регионального конкурента. И, наконец, в случае открытого вступления Турции в конфликт, Иран автоматически становится врагом Турции, что также дает массу военно-политических производных с непонятным результатом.

Если в условия моделирования включить одну, но очень существенную переменную – возможную американскую агрессию против Сирии, Турция вынуждена будет как можно дольше оставаться в стороне от боевых действий. Данное положение может изменить только массовые истребления мирного суннитского населения со стороны режима Башара Аль Асада, однако, они должны будут иметь безупречную доказательную базу, а не являться продуктом информационной войны.

Вторым по значимости региональным субъектом в сирийском вопросе является Израиль. Его позиция, как ни странно заключается скорее в заинтересованности сохранения режима Башара Аль Асада, что связано со значительной протяженностью общей сухопутной границы и предсказуемостью нынешнего политического режима Башара Аль Асада для Тель-Авива. Кроме того, политическая сила «Братья мусульмане» напрямую связаны с Организацией Освобождения Палестины – «Хамас», последняя, по сути, является ее дочерней организацией. Поэтому в случае реализации самого желательного для Турции сценария, то есть, прихода к власти в Сирии представителей «Братьев мусульман», вся Сирия превращается для Тель-Авива в «Сектор газа № 2».

Но, несмотря на заинтересованность Израиля в сохранении политического режима Аль Асада, он предпринимает попытки для того, чтобы на общем фоне уничтожить как можно большую часть военной инфраструктуры Дамаска. Очевидно для того, чтобы выйти на возможные будущие переговоры с более выгодными позициями.

Одной из главных причин низкой эффективности военных успехов сирийской оппозиции, является ее раздробленность и разобщенность. А начиная с апреля 2013 года, в сирийском конфликте произошли события, которые изменили подходы Запада и Востока и региональных держав. Так, руководство Фронта (Джабхд Аль Нусра Аль Исламия – «Фронт победоносного Ислама»), который входит в Оппозиционный совет Сирии и возглавляется Абу Мухаммедом Аль Джуляни (по прозвищу Аль Фатех - завоеватель), объявил о создании государства - Даулят Аль Ирак ва Аль Шам (Шам). По плану руководства Фронта, политическое устройство государства Шам должно быть идентичным политическому режиму Афганистана периода правления движения Талибан. Таким образом, данный фронт публично признал себя филиалом «Аль-Каиды» в Сирии. При этом в данное государство (Шам) входит современные территории Сирии, Ливана, Иордании, часть Ирака, что является прямой угрозой для США, Турции, Израиля и Ирана одновременно.

Для Турции реализация идеи государства Шам даже на гипотетическом уровне является мощнейшей угрозой. Салафизм – джихадизм – идеология, которая сформировалась в Афганистане в середине 1980-х гг., в ходе деятельности миссионеров в лагерях моджахедов. По сути «Аль-Каида» сейчас дискредитировала антиасадовское движение. В сложившемся военно-политическом раскладе Башар Аль Асад стал естественным союзником США, Турции, Израиля. При этом необходимо учитывать, что эта часть «Аль-Каиды» имеет иракское происхождение, то есть уровень антиамериканизма в ней имеет чрезвычайно высокий уровень.

Главными союзниками США в регионе являются нефтедобывающие монархии и салафитские государства (Саудовская Аравия, Арабские Эмираты, Бахрейн и Оман). Современная региональная дилемма для США выглядит таким образом – с ассоциацией «Братья мусульмане» нельзя переходить к открытой конфронтации, так как существует гораздо более дееспособный противник – «Аль-Каида». Создается система балансов – Западу (и его союзникам) с «Аль-Каидой» необходимо воевать, «Братьям мусульманам» – противодействовать, так как чрезмерное усиление ассоциации будет влиять на внутривнутриполитическую стабильность нефтедобывающих монархий – Саудовской Аравии, Арабских Эмиратов, Бахрейна и Омана.

Динамичность развития сирийской ситуации трансформирует подходы практически всех сторон, вовлеченных в конфликт. Идея создания государства Шам и агрессивные действия «Аль-Каиды» сыграли, наверное, еще большую роль для временного компромисса вокруг Сирии, чем успехи российской дипломатии, направленные на получения контроля над химическим оружием государства. Однако «Сирийский котел» продолжает кипеть, заставляя великие державы трансформировать свои подходы к кризису.

На глобальном уровне за последние несколько лет сформировались определенные технологии конфликтного управления миром. Сирия стала звеном в цепи данных механизмов. Так, несмотря на глобальный кризис капиталистической экономики, США как ведущая держава мира, продолжает активный глобальный внешнеполитический курс, который требует значительных капиталовложений. Хотя именно США находятся в «ядре» финансового коллапса, внешняя политика Вашингтона продолжает сохранять свою военно-силовую составляющую, которая достаточно дорого обходится американскому бюджету и налогоплательщикам.

Однако, такая активная силовая политика США, несмотря на растущий внешний долг и системные проблемы в экономике имеет свой практический, в том числе, финансовый смысл. Так именно такая внешнеполитическая линия США имеет следующие последствия в доллароцентричной мировой экономике.

Во-первых, военные кризисы в мире проходят по двум сценариям – на периферии экономических центров (страны группы БРИКС), которые одновременно являются и геополитическими соперниками Вашингтона (Северная Корея, китайско-японские отношения, Кавказ, Сирия, российско-грузинские противоречия и т.д.). Капитал при этом уходит из этих регионов в «тихую гавань» мировой экономики, то есть в США и доллар. Второй сценарий представляет следующую производную – в условиях глобализации экономики и финансового сектора, Вашингтону не обязательно предпринимать силовые акции на периферии своих геоэкономических и геополитических конкурентов. Практически тот же эффект достигается, если потенциальная точка напряжения в военно-политической сфере возникает в любой точке мира. Если напряжение возникает в различных регионах поочередно и на системной основе обеспечивается постоянный приток экономических инвестиций в проблемную американскую экономику, таким образом, поддерживается американская экономическая система, которая служит основой для военно-технологического и силового лидерства США.

Во-вторых, за исключением Китая, который нуждается в ресурсах для своей «мировой мастерской», в современной глобальной экономической системе другие силовые центры попадают в исключительную ситуацию, когда их экономические интересы входят в противоречие с геополитическими. Так, от силовых акций США на Ближнем Востоке выигрывает российский бюджет и в целом существующая экономическая система РФ, правда речь идет о краткосрочных интересах. Возникает ситуация соблазна поддержки любых акций сверхдержавы, которые будут приносить краткосрочные экономические выгоды, даже если они противоречат геополитическим интересам. По крайней мере, такой соблазн будет возникать у части государственной и бизнес элиты, интересы которой связаны с сырьевым и финансовым сектором мировой экономики. Современная ситуация вокруг Сирии явный пример таких противоречий.

Война – этой действенный способ списания долгов. Но если масштаб долгов беспрецедентный и носит глобальный характер, то и конфликт должен быть глобальным. Иначе эффект их «сгорания» будет недостаточный для финансового сектора мировой экономики. После того, как Сирия сыграла роль эпицентра столкновения, великие державы переносят центр военно-экономического, политического и цивилизационного противостояния с периферии России и Европейского союза (Ближний и Средний Восток) в зону интересов Китая, Японии и США (Юго-восточную Азию). Данные трансформации происходят с одновременными революционными внешнеполитическими договоренностями между Россией и Японией, переброской американского флота в регион и военным возрождением Токио. Начинается новый этап пробы сил в рамках формирования нового мирового порядка.

Библиографический список использованной литературы

1. Юрченко С.В. Основные тенденции развития системы международных отношений и проблема актуализации общественного воздействия на внешнюю политику государств / С.В. Юрченко // Чорноморська безпека. — 2008. — № 4 (10). — С. 3–5.
2. Huntington S. Who Are We? The Challenges to America's National Identity / S. Huntington. — New York: Simon & Schuster, 2004. — 428 p.
3. Киссинджер Г. Дипломатия / Г. Киссинджер; [пер. с англ. В.В. Львова]. – М.: Ладомир, 1997. — 848 с.
4. Мартынкин А.В. Основные направления деятельности исламистского руководства Турции по превращению страны в региональную державу / А.В. Мартынкин // Причерноморье. История, политика, культура. Серия В. Международные отношения. — Севастополь, 2011. — Вып. V (II). — С. 29–35.

Поступила в редакцию 5.04.2013 г.

Ірхін О.А. Сирійський конфлікт в регіональній та світовій політиці

Проводиться аналіз внутрішніх та зовнішніх причин сирійського конфлікту, а також його роль у формуванні нової системи міжнародних відносин.

Ключові слова: Сирія, США, Росія, Китай, Іран, конфлікт.

Irhin A. Syrian's conflict in the regional and world's policy

In the article, we analyze the domestic and foreign actors of Syrian conflict and its role in new system of foreign relation which is forming.

Keywords: Syria, USA, Russia, China, Iran, conflict.